

Вина вещей. Комментарий к изречению Анаксимандра

БОГДАН
ГРОМОВ

ВВЕДЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ МЫШЛЕНИЯ НАЧАЛА

Философия – это наука, способная рассуждать о том, что важно. Речи о важном говорятся дважды: первый раз, когда речь относит свой предмет к категории важных вещей; второй раз, когда относительно вещи, чья важность установлена, высказывается истинное суждение. Важнейшим предметом философской речи была и остается тема начала, поскольку, во-первых, начало начальствует, главенствует, оно раньше, старше, дольше, устойчивее, а значит, и важнее; во-вторых, начало к чему-то предназначает, что-то предрекает, начало имеет цель и смысл, то есть о начале может быть высказано истинное суждение.

Поскольку начало есть начало чего-то, а не ничего, и поскольку тема начала в философии касается вопрошания о бытии в его целом – проблема мышления Начала есть проблема онтологическая.

Далее, если начало имеет цель и смысл, к этим цели и смыслу приложима функция истинности. Мы можем говорить об истинном смысле или ложно понятой цели. Функция истинности может быть высказана только в суждении, таким образом, проблема мышления Начала есть логическая проблема.

Функция истинности суждения о начале не нейтральна по отношению к высказываемому это суждение. Истина оказывает действие – порождает истинное мнение, убеждение или «веру в правоту». Там, где тема начала касается психических состояний (таких, как убеждения, верования) и действий в соответствие или вопреки этим состояниям, там проблема мышления Начала есть проблема психологии.

Пересечения этих трех философских дисциплин – онтологии, логики, психологии – образуют пространство, платоновскую *χώρα*, местность, в которой суждено родиться проблеме мышления Начала. Важность Начала отмечена фундаментальной важностью онтологии, логики, психологии – и, наоборот, три важнейших дисциплины важны постольку, поскольку близки главнейшей для философии теме Начала.

Мыслителей Начала греки называли *Φυσιολόγοι* – физиологи, то есть те, кто связывает природное (*фюсис*) и словесное (*логос*). Этих же мыслителей стали называть позже натур-

Богдан Юрьевич Громов (р. 1989) – философ, доцент кафедры философии и общественных наук Мининского университета.

философами, область такого мышления – натурфилософией, а еще позже – естествознанием. Связывание фюсического и логического принято считать рождением философии. Следует уточнить, что «физиология» греческих философов скорее была манерой мышления, нежели обособленной дисциплинарной областью, какой является современное естествознание или натурфилософия Нового времени. Важное различие между нововременной физикой и древнегреческой физиологией состоит в том, что мышление Начала не есть просто физическое учение об «элементах» и не есть только материализм или атомизм. Это не полемическая позиция в давно забытом споре и не ответ на один-единственный основной вопрос философии.

Мышление Начала есть начало метафизики. Это действительно и несомненно «первая философия», которая «должна была исследовать не отдельное бытие, но бытие вообще и его существенные свойства; она должна была изучать мир как целое, его прошлое и будущее, начало и предназначение»¹. Хайдеггер называл эту манеру мышления «основонастроением». Он сочетал в этой характеристике два значения: первое, психологическое, значение термина «настроение», то есть психологическую предрасположенность к деятельности, и второе, музыкальную метафору «настроенности», то есть гармоничной слаженности, благозвучности, упорядоченности.

Хорошо иллюстрируют это «основонастроение» слова Платона, приводимые в диалоге «Теэтет» как комментарий к философиям Анаксимандра, Фалеса и Гераклита.

«Именно те первоначала, из которых состоим мы и все прочее, не поддаются объяснению. Каждое из них само по себе можно только назвать, но добавить к этому ничего нельзя – ни того, что оно есть, ни того, что его нет. Ибо в таком случае ему приписывалось бы бытие или небытие, а здесь нельзя приносить ничего, коль скоро высказываются только о нем одном и к нему не подходит ни “само”, ни “то”, ни “каждое”, ни “одно”, ни “это”, ни многое другое в таком же роде. Ведь все эти распространенные слова, хотя и применяются ко всему, все же отличаются от того, к чему они прилагаются. Если б это первоначало можно было выразить и оно имело бы свой внутренний смысл, его надо было бы выражать без посторонней помощи. На самом же деле ни одно из этих начал невозможно объяснить, поскольку им дано только называться, носить какое-то имя. А вот состоящие из этих первоначал вещи и сами представляют собою некое переплетение, и имена их, также переплетаясь, образуют объяснение, сущность которого, как известно, в сплетении имен. Таким образом, эти начала необъяснимы и непознаваемы, они лишь ощутимы. Сложное же познаваемо, выразимо и

1 Лукасевич Я. *О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование.* М.; СПб.: ЦГИ, 2012. С. 54.

доступно истинному мнению. Поэтому, если кто составляет себе истинное мнение о чем-то без объяснения, его душа владеет истиной, но не знанием этой вещи; ведь кто не может дать или получить объяснение чего-то, тот этого не знает»².

БОГДАН ГРОМОВ
ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Первоначала необъяснимы, но известны в истинном мнении; невыразимы, но называемы по именам; непознаваемы, но ощутимы в чувстве. Из этого запутанного объяснения, данного Платоном, точно ясно одно: Начало не есть какая-то абстракция, а наоборот, реальнейшая вещь мышления, само начало мышления, то без чего мышление – не мышление.

Роковая задолженность

Главные темы мышления Начала – первородство и повелевание – явствуют в изречении Анаксимандра: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются, согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время»³. Этот вариант изречения, переведенный Виталием Целищевым, приводится в учебнике по истории западной философии Бертрам Рассела. Этот перевод, хрестоматийный, понятный, хорошо репрезентирует все сложности и странности начального мышления. Основные темы мышления Начала – предназначение, конец, необходимость – ясно видны уже в этом варианте перевода.

Проблема перевода в философии есть не только проблема приведения высказываний на разных языках к семантической эквиваленции, но также и проблема понимающего истолкования и проблематичного истолкования – в философском переводе должно быть, что именно понимать. Наиболее известный комментарий к Анаксимандру и одновременно наиболее проблематичный перевод изречения принадлежит Мартину Хайдеггеру (1946). Он говорит, что деятельность философского перевода не есть деятельность по повторению сказанного иностранцем, а перевод к собеседованию, то есть перевод через три тысячи лет к со-ответствию речи и мысли⁴. Соответствие речения, высказанного в высказывании, и понимающей мысли сбывает событие истины, связывая обе стороны трехтысячелетнего отстояния собеседников в объясняюще-познающее слово. Деятельность философского перевода есть и достоверное исследование смысла сказанного, и творческое

2 Платон. *Тимей* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 264.

3 Рассел Б. *История Западной философии: В 2 кн.* М.: МИФ, 1993. С. 45. Кн. 1.

4 Хайдеггер М. *Разговор на проселочной дороге.* М.: Высшая школа, 1991. С. 29.

истолкование невысказанных положений сказанного, предположение взаимопонимания между говорящими. Язык в деятельности философского перевода призван скорее показывать взаимопонимание говорящих, чем конструировать эквивалентные высказывания.

Перевод изречения, приведенный по изданию «Фрагментов ранних греческих философов» под редакцией Андрея Лебедева, показывает куда более загадочное и смущающее понимание:

«А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель свершается по *роковой задолженности*, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [ущерба] в назначенный срок времени»⁵ (курсив мой. – Б. Г.).

Перевод немецкой версии изречения был выполнен Татьяной Васильевой примерно в то же время, что и перевод Лебедева, и звучит так:

«Из чего же вещи берут происхождение, туда и гибель их идет *по необходимости*; ибо они платят друг другу взыскание и пени за свое бесчинство после установленного срока»⁶ (курсив мой. – Б. Г.).

Греческий текст изречения, сохраненный до нашего времени Симпликием в комментариях к физике Аристотеля, выглядит так:

«ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστὶ τοῖς οὐσι καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ *χρεὼν* δίδοναι γὰρ αὐτὰ δίκην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν»⁷ (курсив мой. – Б. Г.).

Хайдеггер со ссылкой на Джона Барнета уточняет, что приведенная цитата с высокой долей вероятности дописана Симпликием, чтобы быть помещенной в контекст комментариев к аристотелевской физике, и без вставок, вероятно, выглядит так: «τὸ *χρεὼν* δίδοναι γὰρ αὐτὰ δίκην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας», то есть «по *роковой задолженности* они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [ущерба]» (курсив мой. – Б. Г.).

Предположительная вставка Симпликия касается двух слов – γένεσις и φθορὰν, – образующих семантическую пару «рождается–разрушается». Симпликий придает изречению Анаксимандра более наукоподобный вид, поскольку с этим дополнением оно отвечает одному из главнейших правил научной риторики – правилу симметрии. Риторическая симметрия научного знания может быть классифицирована по направлени-

5 Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 127.

6 ХАЙДЕГГЕР М. Указ. соч. С. 29. Речь идет об используемом Хайдеггером переводе Дильса.

7 Там же. С. 28.

ям устойчивости, события, повторения, закона природы⁸. Симметрия изречения Анаксимандра может быть схематически представлена следующим образом: вещи устойчивы, потому что отдельные; рождение и гибель вещей сбываются на самом деле; гибель вещей, как и рождение, повторяются с необходимостью; закон расплаты, по которому вещи повинны гибели по факту рождения, – всеобщий закон природы.

Важная новация греческой натурфилософии – открытие этой риторической формы, в которой единственно «истинное мнение с объяснением есть знание»⁹.

БОГДАН ГРОМОВ
ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Деятельность философского перевода есть и достоверное исследование смысла сказанного, и творческое истолкование невысказанных положений. Язык в деятельности философского перевода призван скорее показывать взаимопонимание говорящих, чем конструировать эквивалентные высказывания.

Общий контекст комментария к «Физике» Аристотеля, в который вписано изречение Анаксимандра, сформирован корпусом текстов «физиологои доксаи», то есть «мнения физиологов», или «мысли тех, кто имел мнение о природе». Одно только название указывает на особенную оценку, которая придавалась мнениям физиологов: это не учение, которому необходимо следовать, а мнения, которые можно принять во внимание. Мнение (докса) есть в некотором смысле личное дело, личное отношения мыслителя к предмету – тогда как истина (алетейя) есть само положение дел, неизменяемое чьим-то личным говорением. Помещая изречение Анаксимандра в корпус «мнений физиологов», Симпликий будто говорит: «Анаксимандр думал так, а Фалес эдак, а Гераклит иначе, а вот учение Аристотеля о Природе говорит, что...». Этим различением на мнения и учение производится важнейшее ограничение области, в которой осуществляется событие истины: оно осуществляется в учении самом по себе, отделенном и от ученого, и от его мнения. Научное знание теперь не всякая мысль и не всякое говорение, а только такое, которое обладает особым статусом и существует в особом модусе: статусом учения и в модусе науки.

Две причины побуждают Симпликия отнести изречение Анаксимандра к мнениям: во-первых, это сказал не Аристо-

8 Уайтхед А.Н. *Приключения идей*. М.: ИФРАН, 2009. С. 76.

9 Платон. *Тезет* // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 2. С. 264.

тель; во-вторых, Анаксимандр «говорит об этом довольно поэтическими словами».

В самом деле, очень особенный, будто бы обвиняющий, тон изречения обращает на себя внимание, смущает. Именно эта риторическая поза «предречения неотвратимой расплаты за прегрешения» кажется странной и провоцирует к тому, чтобы отнести изречение к мнениям. «Поэтические слова», о которых говорит Симпликий, при этом образуют семантические триады, похожие на троп, выражающий некоторый семантический ритм закона:

γένεσις (рождение) – χρεών (задолженность) – φθορὰν (гибель)
ἀδικίας (обида) – δίκην (по суду) – τίσιν (воздаяние)

Частая проблема логики, отмечаемая, например, Людвигом Витгенштейном, состоит в том, что «некоторые вещи не могут быть высказаны, но могут быть показаны»¹⁰. Принципиальная функция слов «естественного языка» в том, чтобы указывать там, где высказывающая способность языка иссякает.

Когнитивная, логическая, коммуникативная, риторическая функция «поэтических выражений» заключается именно в том, чтобы использовать выразительную способность слов, указывая при помощи многозначительных риторических фигур на вещи, которые не имеют места нигде, кроме как в рассуждениях философов¹¹. Это такие вещи, как «благое», «единое», «истинное» и так далее. Сказанное не значит, что этих философских понятий не существует, но это значит, что вещи, не имеющие места, предположены философами в результате особенных оценочных процедур. Так же, как «слово “хороший”, которое в относительном смысле просто означает соответствие определенному установленному стандарту»¹², становится словом ἀγαθόν, то есть «лучший вне обстоятельств», «абсолютно хороший», так же и слово χρεών, что буквально значит «долг по займу» становится «роковой задолженностью».

Становится заметна ось смысловой симметрии, показанная изречением Анаксимандра, – слово χρεών это то, что связывает гибель и рождение, что «воздаст по суду за несправедливость». Если согласиться с Симпликием относительно того, что Анаксимандр выражается поэтически, то следует задаться вопросом: что же выражает изречение? Примем как гипотезу, что «роковая задолженность» в изречении Анаксимандра является метафорическим выражением философского понятия «необходимость».

10 Витгенштейн Л. *Дневники 1914–1916*. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 348.

11 Там же. С. 332.

12 Там же.

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ НЕОБХОДИМОСТИ

БОГДАН ГРОМОВ

ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Необходимость – сильнейшее принуждающее орудие логической истины. Каждый вывод каждого логического умозаключения во всех случаях начинается с подразумеваемого «необходимо, что...». Необходимость в природе связывает причину и следствие в естественных явлениях, а логическая необходимость связывает посылку с выводом в истинном суждении так же, как «расплата по задолженности» связывает рождение и гибель. При этом следует увидеть, что и логическая необходимость является особенной формой метафоры – предвосхищающим ожиданием действия, обусловленного какой-то причиной. Эту область неизбежного действия законов природы мы и называем действительностью, или реальностью. Пределы, в которых может быть приложима принуждающая сила логики, описаны Витгенштейном в одном из афоризмов «Логико-философского трактата»:

«Нет принуждения, заставляющего одно происходить вслед за другим, единственная необходимость, которая существует, – логическая необходимость. [...] И потому люди преклоняются перед законами природы, почитают их ненарушимыми, поклоняются им, как поклонялись в минувшие столетия Богу и Судьбе. И они одновременно правы и неправы: взгляд древних яснее, поскольку у них имелся некий четкий предел, а современная система пытается представить так, будто все уже объяснено»¹³.

Впервые аристотелевский термин «необходимость» был переведен на латынь Боэцием. В «Комментариях к Порфирию» он фиксирует перевод аристотелевского *αναγκαίον* как *necessarium*. Следует обратить внимание, что и Аристотель применял «поэтические выражения», используя имя трагической богини Ананке для создания понятия «необходимость». Далее, уже после Аристотеля, Порифирия, Боэция этот термин оказывается принят Аквином для третьего доказательства существования бога:

«Нельзя не принять бытия некоей сущности, необходимой через саму себя, а не через иное и обуславливающей необходимость всего прочего, что необходимо. И это то, что все зовут Богом»¹⁴.

Еще позже этот термин оказался принят Новым временем для обоснования удивительнейшего предмета нововременной натурфилософской – естественного закона, *lex naturalis*. Принуждение естественного закона в Новое время достигает тотальности, абсолютной неизбежности, выражающейся в словах,

13 Он же. *Логико-философский трактат*. М.: АСТ Астрель, 2010. С. 143, 144.

14 Фома Аквинский. *Сумма теологии. Часть 1. Вопросы 1–43*. Киев: Ника-Центр, 2002. С. 25.

по своей обвинительной силе очень близким изречению Анаксимандра. В «Опытах о законе природы» Джон Локк пишет:

«Представляется, что некоторые статусы вещей неизменны и некоторые обязанности, рожденные необходимостью, не могут быть иными не потому, что природа, или, лучше сказать, Бог, не смогли создать человека иным, но потому, что раз уж он создан именно таким, наделен разумом и другими способностями, рожден для того, чтобы жить в условиях той жизни, то из его природной конституции неизбежно следуют некоторые определенные его обязанности, которые не могут быть иными»¹⁵.

Мысль Локка и изречение Анаксимандра звучат как сказанные об одном и том же, а именно, о неотвратимой расплате, об обязательном к оплате долге.

Переводя термин «необходимость» с греческого на латинский, Бозций осуществляет особенную герменевтическую процедуру, которую можно восстановить, вчитавшись в небольшой, но очень удачный комментарий к переводу этого термина.

«Нам следует сказать и о том, что скрыто в глубине за этими словами. Слово “necessarium” в латинском языке, как и “αναγκαίον” в греческом, имеет несколько значений. В переносном смысле “necessarium” обозначает, по словам Марка Туллия, кого-то своего или нашего (т.е. близкого человека). Затем мы употребляем слово “necessarium”, обозначая им своего рода пользу, когда говорим, например, что нам “необходимо” [necessarium esse] спуститься на форум. Третье значение – когда мы, например, говорим о солнце, что оно необходимо должно двигаться: здесь “necessarium esse” значит “necesse esse” (“неизбежно”). Первого из этих трех значений мы можем не касаться, так как оно не имеет ничего общего с тем, что имеет в виду Порфирий. Но зато два последних словно составляют друг с другом... – “necessarium” может обозначать и пользу [utilitas], и неизбежность [necessitas]»¹⁶.

В итоге «глубинная герменевтика» Северина Бозция очень проста. Бозций, говоря о том, в каком смысле употребляется греческое αναγκαίον, уже переведенное им как necessarium, выделяет три значения латинского слова «необходимость», а затем не выбирает одно верное значение, а описывает семантическую комбинацию по той же схеме, какую описывал Платон, когда говорил, что «имена, переплетаясь, образуют объяснение, сущность которого, как известно, в сплетении имен». Итого, Бозций указывает значение концепта необходимость следующим образом: necessarium = utilitas + necessitas, то есть необходимость – это польза и неизбежность.

15 Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 166.

16 Бозций. «Утешение философии» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 15.

Следует подчеркнуть особо: именно такая эквивокальная спутанность значения и составляет существо философского понятия. Тончайшие объясняющие различия внутри спутанности философского «логоса» и есть сама практика философской работы.

В качестве обобщения скажем, что о необходимости говорят в четырех смыслах:

1. Как об отношении союза в общем деле: такое понимание обнаруживается в политических философиях Локка, Спинозы, Гоббса.

2. Как об утилитарном следствии человеческого деяния: такое использование обнаруживается в философской психологии Юма и моральной философии Бентама.

3. Как о неизменности истины, исходящей от истинных условий к истинным следствиям: таково знание логики, например, у Лейбница.

4. Как о неизбежности окончания наличного: такова метафора, выраженная начальным мышлением изречения Анаксимандра.

БОГДАН ГРОМОВ

ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Когнитивная, логическая, коммуникативная, риторическая функция «поэтических выражений» заключается именно в том, чтобы использовать выразительную способность слов, указывая на вещи, которые не имеют места нигде, кроме как в рассуждениях философов.

ВИНА ВЕЩЕЙ

Повелевающее мышление Начала есть положение первопринципа мышления, образующего правило мышления. Начальное мышление – это правилосообразующая деятельность, то есть деятельность в соответствии с повелением мыслить по таким, а не иным правилам, имея этот, а не иной регистр повелений. Положение принципа есть и предположение понятия. Начальное мышление не дедукция, а генерация. Разница между дедукцией логоцентрической философии и генеративным порождением начального мышления в той существенной спутанности, которая сохраняется в многозначном слове начального мышления.

Мартин Хайдеггер, комментируя изречение, указывает на особое присутствие, по обе стороны которого размещена сим-

метрия рождения-гибели. «Присутствующее есть промедлительное. Промедление существует как переходное прибытие в отход. Промедление существует между про-ис-хождением и отходом прочь»¹⁷. Термин хайдеггеровской философии «присутствие», или «вот-бытие», *Dasein*, размещен «между» происхождением (*γένεσις*) и отходом (*φθόρον*). Размещение присутствия от рождения до гибели есть промедление. Что это значит? Термин «промедление» в этом комментарии (в переводе Васильевой) означает то же, что «сдержанность» в других переводах. Хайдеггер использует немецкое слово *Verhaltenheit*, которое можно также перевести и как «поведение» в смысле английского слова *behaviour*, давшего имя бихевиористской психологии и социологии. Поведение в психологическом смысле – это устойчивая реакция на среду, детерминированная окружением и частично предсказуемая. Таково промедление присутствия между рождением и гибелью – это объективация вещи.

Следующим, на что указывает симметрия изречения Анаксимандра, является ожидание. Промедление присутствия может быть помыслено только как «упрямо» ожидающее гибели по вине рождения. Но не есть ли это ожидание принципиальное предвосхищение гибели, рожденное не из опыта, а из требования риторического правила симметрии? Дополненная значением «задолженности» многозначность понятия необходимости рождает саму суть принуждающего действия научного знания – практическую философию. Изречение о необходимости, вписанное в контекст рождения и разрушения, создает особый род естественной причины – вину вещей.

Слово «вина» в русском языке так же многозначно, как и слово «необходимость» в философии. Виновным называют того, кто причинил вред, ущерб, сотворил несправедливость. Кажется, что понятие вины является юридическим и морально-психологическим, но не логическим и не онтологическим. Но вместе с тем вина – только тогда вина, когда она доказана аргументами, то есть вина устанавливается процедурами логики. Вина служит причиной чего-то из существующего, то есть это онтологическое понятие. У Феофана Прокоповича¹⁸ можно было встретить выражения вроде «народ повинен верховной власти», что означало «причастен власти», «причинен верховной власти», то есть рождает верховную власть (в конкретном контексте трактата это власть абсолютного наследного монарха). В этом словоупотреблении само существование народа порождает над собой верховную власть. Этот совершенно особый род вины-причинности истребует следствия для причины в форме расплаты по долгу, учиненному бесчинством.

17 Хайдеггер М. Указ. соч. С. 54.

18 Феофан (архиепископ Елеазар Прокопович). *Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 123.

Это логика и онтология вины. Рожденное виновно гибели в том смысле, что причастно гибели по самому событию своего рождения.

БОГДАН ГРОМОВ
ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СИММЕТРИЧНОЙ ЛОГИКЕ НАЧАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Промедление вещи от рождения до гибели, вина и задолженность всех вещей показывают симметрическое предвосхищение гибели как особенной логической необходимости. Упрямое промедление объекта, его косность в собственной форме размещает объект в темпоральной протяженности «между», отмеченной Хайдеггером. Эта темпоральность «от и до» продиктована правилом симметрии, но сама асимметрична, поскольку устремлена в бесконечность. Гибель всех вещей есть предположение от вины рождения всех вещей, но сама эта гибель всех вещей никогда не наблюдалась, следовательно, ее необходимость есть не неизбежность (*necessitas*), а какая-то неизвестная *utilitas*. Предречение гибели несет некоторую пользу.

Эта польза станет понятна, если всмотреться в симметрию «рождение – задолженность – гибель» изречения Анаксимандра. Промедлительность присутствия «между» размещает области самотождественности по ту и эту сторону, создавая мыслимое пространство таблицы, организованной пересечениями тождества и противоречия.

		Противоречие	
Тождество	рождение	зadolженность	гибель
	причина	<i>αναγκαίον</i> необходимость <i>necessarium</i>	следствие
	вина	промедление	вещь

Важнейший принцип логического мышления звучит как: «Два суждения, одно из которых именно это свойство приписывает предмету, тогда как второе ему в этом отказывает, не могут быть одновременно истинными»¹⁹. Невозможная одновременность быть чем-то и ничем есть обратная сторона промедления, необходимости и задолженности, разводящая по сторонам противоречащие друг другу тождествления. Это то самое «бесчинство» вещей, по которому будет происходить взыскание по порядку времени.

19 Лукасевич Я. Указ. соч. С. 61.

Важный и финальный вопрос относительно изречения Анаксимандра: каким же правилом образовано изречение о неизбежности губительной расплаты по вине рождения? Правилom противоречия или правилом симметрии? Чтобы обострить эту проблему, приведем изречение еще одного комментатора и переводчика Анаксимандра – Фридриха Ницше. В одном из посмертно опубликованных фрагментов неопубликованной книги он пишет:

«Мы не можем одно и то же утверждать и отрицать: это субъективный, опытный факт, в нем выражается не “необходимость”, но лишь наша неспособность. Если, по Аристотелю, закон противоречия есть несомненнейший из законов, если он последнее и глубочайшее положение, к которому сводятся все доказательства, если в нем кроется принцип всех других аксиом; тем строже должны мы взвесить, какие утверждения [*Voraussetzungen*] он в сущности уже предполагает. Или в нем утверждается нечто, касающееся действительности сущего, как будто это уже известно из какого-нибудь другого источника; именно, что сущему не могут быть приписываемы противоположные предикаты. Или же закон этот хочет сказать, что сущему не следует приписывать противоположных предикатов. Тогда логика была бы императивом, но не к познанию истинного, а к положению и обработке некоего мира, который должен считаться для нас истинным»²⁰.

Этот комментарий указывает на возможность усомниться в могуществе принуждающей силы логической необходимости. Возможно, что по зрелом размышлении над основонастроением начального мышления мы сможем свободно ответить на вопрос «Что нам за дело до истины?».

20 Цит. по: МАН П. ДЕ. *Аллегории чтения: фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. С. 144.